

Модель типологии языковой политики

Д.Н. Иванова¹, Л.Е. Яровая²

¹Южный федеральный университет,

²Донской государственной технической университет

Аннотация Актуальность настоящего исследования сопряжена с тем фактом, что вопросы эффективной языковой политики и языкового планирования составляют интегральную часть национальной политики для любого мультикультурного сообщества. В рамках данной работы авторами предпринята попытка представить многомерную модель типологии языковой политики, причем акцент сделан на политических основаниях, определяющих цели языковой политики и планирования. Мысль о поддержании официального статуса языка и необязательном его совпадении с реальным статусом представляется нам актуальной для понимания сущности языковой политики. Авторы считают, что основным объектом языковой политики, независимо от того как звучат идеологические лозунги, является не столько сам язык, сколько группы его актуальных и потенциальных носителей. Решения о языковом планировании определяют характер властных отношений между разными этническими группами в пределах одного мультикультурного сообщества. Хотя на сегодняшний день не существует универсальной идеально выстроенной модели языковой политики, практическая ценность предложенной авторами многомерной модели языковой политики заключается в том, что она позволяет учитывать, какие политические цели, чьи интересы и ценности лежат в основе обдумывания и реализации принципов языкового планирования.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, типологические признаки, корпус языка, статус языка, нормализация, кодификация, национализация, проводники языковой политики, модернизация, пурификация.

Разработка понятийного аппарата, на основе которого были сформулированы основные типологические признаки языковой политики и планирования, началась в 60 гг. прошлого столетия. Последующие несколько десятков лет ознаменовались активным научным поиском, целью которого было дополнить и усовершенствовать появившиеся в то время модели описания языковой политики и планирования. Так, в социолингвистике Запада появляется знаковая работа Х. Клосса [1], который выделяет два типа языковой политики: статусный и корпусный. Третий тип (так называемого овладения языком) ввел Купер [2] спустя двадцать лет. Мы относим к первому типу усилия, направленные на сохранение или изменение существующего статуса языка; второй тип предполагает усилия, связанные с

нормализацией языковых форм и речевых структур, а третий тип предусматривает мероприятия, нацеленные на желательные параметры дистрибуции потенциальных и актуальных носителей языка или самих языков посредством стимулирования их изучения. Все эти три типа конституируют вертикальную ось нашей модели.

Горизонтальная ось представляет иное измерение языковой политики, в которое входят вопросы взаимодействия нации и языка. В рамках данного измерения принято выделять два основных подхода: политический (policy) и развивающий (cultivation). Первый относится к макроуровню, делая акцент на распределении языков в сообществе главным образом по отношению к нормативному литературному языку. Второй фокусируется на нормативных формах устной и письменной речи и представлен на микроуровне. Э. Хауген предложил дополненную и улучшенную версию типологии языковой политики, изобразив ее в виде четырехмерной матрицы, расположенной на четырех осях (общество/язык и форма/функция) и содержащей четыре измерения (норма, кодификация нормы, выполнение функции и разработка функции) [3]. Именно эту версию мы и приводим здесь, дополнив ее третьим типом языковой политики (овладение языком), развернув ее до шести измерений вместо четырех, предложенных Хаугеном.

При выработке моделей языковой политики и планирования исследователи не преследуют в большинстве случаев политические цели, однако, так как практически все специалисты, занимающиеся этим вопросом, признают наличие связи между языковыми проблемами и политическими, неизбежно встает вопрос о политических целях, в соответствии с которыми вырабатывают или иной тип языковой политики. Мы считаем, что именно цели, лежащие в основе тех или иных практических мероприятий в области языковой политики, определяют вектор планируемых изменений, которые находят свое отражение в разрабатываемых моделях. Исходя из

данного заключения, мы решили их включить в нашу модель в качестве базового компонента языковой политики. Предложенная авторами модель задает параметры измерения языковой политики, а цели раскрывают доступные опции в рамках этих параметров. Нашу модель мы построили, исходя из наличия почти 30 целей, в отношении которых в научной литературе практически нет споров и разногласий.

Еще на заре возникновения социолингвистических идей прозвучала мысль о необходимости планирования и проведения организованных мероприятий, направленных на нормализацию языковой практики. Такая политика известна под названием корпусной языковой политики. Такое название она получила, так как ее основная цель – сохранение или изменение языкового корпуса. Под корпусом языка мы понимаем прежде всего его внутреннее устройство (фонетику, орфографию, грамматику, лексику, терминологию), а также все разнообразие существующих форм языка (письменная и бесписьменная формы, литературный язык и диалекты).

Признание нормативности явлений языка базируется на соответствии его структуре языка и факте его массового воспроизводства в процессе коммуникации. Но с другой стороны, норма всегда трактовалась не только как лингвистическая, но и социально-историческая категория. Социальный аспект манифестируется в сознательном отборе языковых явлений и их оценки как правильных или неправильных, уместных или неуместных и т.д. Если в обществе то или иное языковое считается нормативным, то, как правило, эксплицитной формой такого одобрения выступает кодификация, которая фиксирует уже сложившиеся в процессе коммуникации языковые и речевые формы.

В нашей работе мы не станем рассматривать дискуссионный вопрос о возможности сознательно воздействовать язык. Однако мы придерживаемся мнения, что конкретные мероприятия в области языковой политики и

планирования чаще всего нацелены на те или иные изменения в языковом поле в желательном направлении для тех, кто разрабатывает эту политику. Что касается нормализаторской практики, как одной из основных целей языковой политики, мы считаем, что ее формирование и эволюция обусловлены взаимодействием объективных и субъективных факторов. Причем для разных сторон языка соотношение этих факторов существенно различается. Так, для нормализации орфографии роль кодификации существенна, а нормализация лексики или, скажем, произношения управляется более стихийными процессами.

Необходимо признать, что для большинства современных языков характерна тенденция к сближению литературного письменного языка с нормами разговорной речи, хотя социальные, политические, экономические, культурные факторы могут значительно видоизменять этот процесс. В основе сближения норм устного и письменного языка лежит постепенное приобщение широких социальных слоев общества к числу носителей литературного языка, что также соотносится с одной из ключевых целей языковой политики, представленных на нашей модели как овладение языком. Обозначившаяся четко в последнее время тенденция либерализации и демократизации в языковом поле касается не только сближения устных и письменных норм, но и нивелирования различий норм разных функционально-стилистических сфер использования языка. В результате данных процессов функционально-стилистические границы в современных литературных языках становятся все более тонкими и сложными и все более зависимыми от социальных и культурных условий употребления языка.

Научное изучение планирования комплекса мероприятий, направленных на нормализацию и унификацию языковых и речевых форм в определенном сообществе, началось еще в 20-е гг. и углубилось в 60-е гг. и последующие десятилетия в связи с более выраженным стремлением

общества сознательно воздействовать на язык. Наиболее обстоятельно и широко данная проблема прорабатывалась в трудах Л. В. Щербы, Г.О. Винокура, В. В. Виноградова, Н. Н. Семинюка, Г. В. Степанова, Е. Хаугена и др.

Западный лингвист Нахир в ряде своих статей выделил 11 целей языковой политики, 8 из которых соответствуют определенным типам, представленным в нашей схеме [4,5]. В свой перечень он включил задачи по возрождению, обновлению, отказу от полной языковой ассимиляции, поддержке, распространению и обеспечению межъязыковой коммуникации. Все эти формы регламентации языкового поведения соотносятся, по нашему мнению, с таким типом языковой политики как планомерное воздействие на статус языка с помощью расширения функционально-стилистических сфер его употребления. Что касается статусной языковой политики, то мы полагаем, что статусная языковая политика всегда предполагает одновременное воздействие на другие языки, которые функционируют в этом государстве или за его пределами. Несомненно, статусное изменение одного языка неизбежно влечет за собой изменения в статусе другого языка или других языков. Поэтому статусная языковая политика всегда является комплексной: она предполагает воздействие на другие языки.

Корпусная же языковая политика, напротив, нацелена лишь на один конкретный язык. Задачи корпусной языковой политики, имеющие отношение к процессам нормализации языка, включают модернизацию лексики, пурификацию (сознательный отказ от новых форм в языке), реформирование, стилистические упрощения и терминологическую унификацию. Необходимо отметить, что в задачу модернизации лексики в интерпретации Нахира входит не только собственно лексика, но и стилистика. Также стоит отметить фундаментальное различие между модернизацией и обновлением, в понимании Нахира. Так, он считает, что

модернизация направлена на то, чтобы расширить функциональную сферу употребления уже существующих и зафиксированных в языке форм, в то время как в задачу обновления включены прямо противоположные процессы (закрепление новых языковых форм за привычными функциональными стилями).

У Нахира остались еще две цели языковой политики, которые мы пока не комментировали, это стандартизация и стандартизация вспомогательного кода. Термин «стандартизация» имеет самое широкое толкование в западной научной литературе и подразумевает принятие существующих стандартов, создание и внедрение новых. Он может быть применен в отношении конкретных мероприятий языкового планирования, нацеленных на принятие или признание какого-то языка в качестве некоего стандарта. В плане нормализаторских практик процессы стандартизации соотносятся с кодификацией определенных языковых форм – нормативных или стандартных. И наконец стандартизация вспомогательного кода включает в себя унификацию вспомогательных аспектов языка, таких как «знаков для глухих, географических названий, правил транслитерации и транскрипции с целью улучшения коммуникации или соответствия социальным и политическим сдвигам» [5].

Если мы вернемся к статусному измерению языковой политики, то становятся очевидными еще три цели, ассоциируемые с этим аспектом, а именно официализация [2], национализация и запрещение. Купер ввел третий тип языковой политики, который мы называем овладение языком, и сделал это специально, чтобы выделить в отдельную категорию статусный тип языковой политики. В планировании политических решений в области овладения языком объектами такой политики выступают реальные и потенциальные носители этого языка. А статусный тип языковой политики предусматривает в качестве своего основного объекта сам язык. В области

овладения языком Купер выделяет ряд важных для нашего исследования целей: овладение и поддержание нового языка, изучение иностранного языка и /или второго языка, а также языковая ассимиляция, которая на практике означает переход на другой язык (ранее чужой). В плане организации конкретных мероприятий проводниками этой политики оказываются сфера образования, в первую очередь школа, литература, средства массовой информации, трудовые учреждения и т.д.

Обозначенные цели языковой политики могут служить инструментарием, помогая ответить на следующие вопросы: *какие языки развивать? как? и с какими целями?* Мы также полагаем, что, кроме возможности ответить на эти вопросы, данная модель может служить своего рода напоминанием того факта, что не важно, какой тип языковой политики функционирует успешнее, поскольку цели формулируются сразу по нескольким измерениям [6]. Возьмем простой пример: заявление, что какой-либо язык имеет официальный статус национального языка, не сработает, если не предпринимать для поддержания этого статуса никаких практических действий. Также не будет эффективным реформирование системы письма на национальном языке с целью добиться лучшей его совместимости с региональными языками без гарантированной возможности изучения такой письменности в условиях недостаточной кросс-региональной коммуникации, естественным образом стимулирующей ее использование.

С другой стороны, целью планируемых мероприятий в области языковой политики должен стать не просто выбор конкретного языка в качестве национального, а скорее расширение его функций и превращение его в средство межэтнического общения. Другими словами, вектор изменений должен сознательно быть направлен в сторону наращивания использования этого языка. Такие долгосрочные цели становятся реально выполнимыми только при условии гарантированной возможности выучить

этот язык в качестве второго, а также стандартизации системы письма и модернизации лексики. Другими словами, говорить о высокой эффективности языковой политики и планирования можно только в том случае, если приведены в действие все измерения, изображенные в нашей модели.

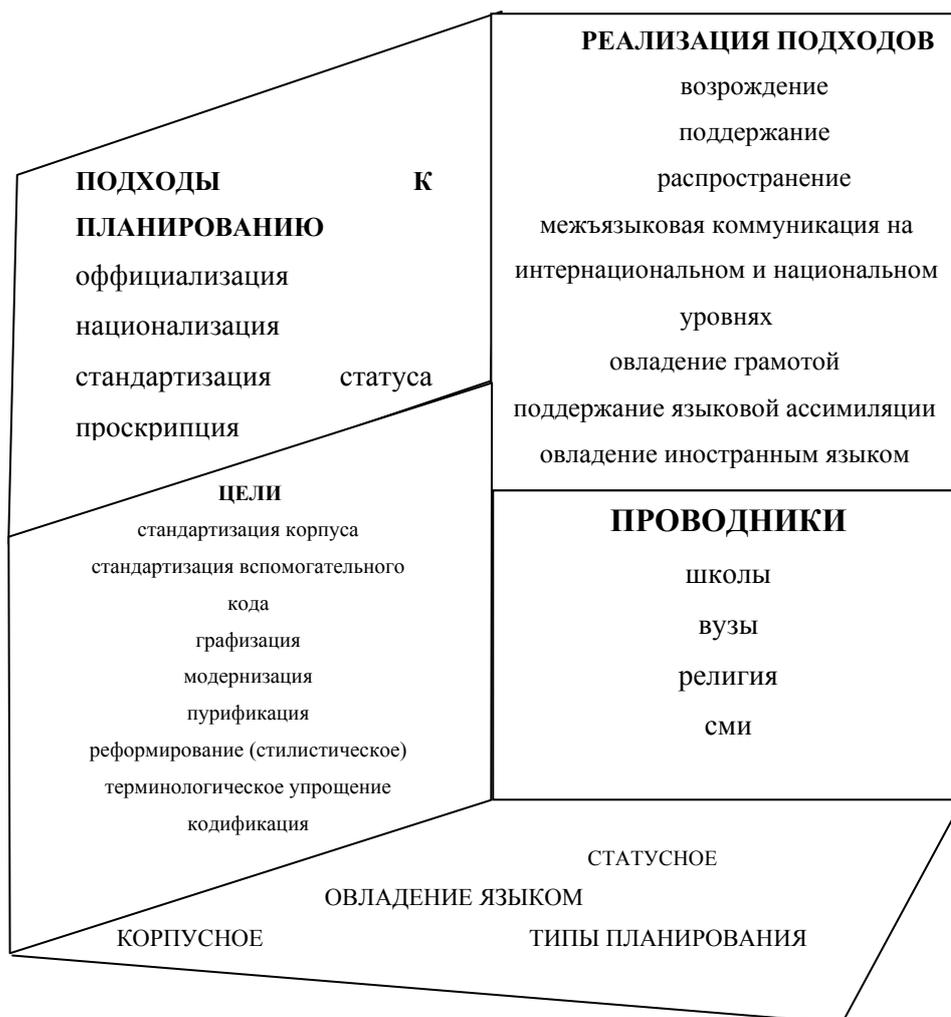

Рисунок 1. Модель типологии языковой политики

Не отображено на рисунке, но имеет значение для изучения нашего вопроса признание того факта, что языковая политика никогда не инициируется в абсолютном вакууме, вне связи с другими языками. Чтобы раскрыть данное измерение, следует обратиться к вопросу об

идеологических основаниях, которые определяют цели языковой политики и обнаруживают конкретные объекты. Что касается идеологического сопровождения умеренной языковой политики, то важно отметить следующие моменты:

- (1) языковая политика должна строиться с учетом реалий существующей языковой ситуации;
- (2) необходима пропаганда двуязычия (многоязычия) как культурного ресурса [7];
- (3) желательно осуществлять патронаж над миноритарными национальными языками.

Предложенная авторами модель представляет собой попытку представить унифицированную теоретическую базу, имеющую одинаковую объяснительную и прогнозирующую силу для анализа любого типа языковой политики. Она призвана ответить на вопрос, как программируется языковая политика, когда речь заходит о конкретных мероприятиях, реализующих единую цель государственной поддержки национального языка.

Мы считаем, что стадия составления рабочих программ с целью сохранить или изменить существующую языковую ситуацию в регионе относится к языковому планированию. Этот этап должен включать в качестве составных элементов изучение и прогнозирование социальных и языковых проблем в регионе, а также процесс планирования определенных мероприятий в области языка. Языковая политика, в нашем понимании, сводится к реализации конкретных мер, нацеленных на коррекцию языковой ситуации. По нашему убеждению, языковая политика должна преимущественно реализовываться в форме письменных документов (но не обязательно). Кроме того, те, кто реализует эту политику на практике (субъекты языковой политики) должны обладать определенной властью над

теми, в отношении кого эти мероприятия проводятся (объекты языковой политики).

Мероприятия, составляющие средства языковой политики, призваны трансформировать существующую языковую ситуацию в направлении «стандартизации». Акцент здесь сделан на многомерности изучаемого явления и взаимозависимости всех компонентов системы. Из представленной нами модели следует, что нельзя строить языковую политику без учета целого ряда сопряженных параметров, совокупность которых и есть суть данного явления [8].

Сами цели языковой политики определяются в координатах некоей нормальной ситуации. Эта норма, как правило, является составной частью «национальных проектов», формулируя идеологические основания, на которые опираются цели языковой политики. Речь чаще всего идет о должных тенденциях в развитии этнической группы как основного объекта языковой политики [9]. Вопрос о возможности достижения некоего идеала, равно как и вопрос о том, что составляет этот идеал, является дискуссионным. Поэтому случается, что языки в контакте легко делаются языками в конфликте [10]. Несовпадение оценок языковой политики со стороны субъектов и объектов может не только не решить возникший конфликт, но и усилить его.

Литература

1. Kloss H. Notes concerning a language-nation typology. In J. Fishman, C. Ferguson, & J. Das Gupta (eds.), *Language problems of developing nations* // New York: John Wiley & Sons. 1969. pp. 69-85.
2. Cooper R.L. *Language planning and social change* // New York: Wiley & Sons. 1989. pp.187-189.
3. Haugen E. The curse of Babel. In M. Bloomfield & E. Haugen (eds.), *Language as a human problem* // New York: Wiley & Sons. 1966. pp. 33-43.

4. Nahir M. The five aspects of language planning – a classification // Language Problems and Language Planning. 1977. № 1, pp. 107 – 22.
5. Nahir M. Language planning goals: A classification // Language Problems and Language Planning, 1984. № 8, pp. 294 – 327.
6. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
7. Church J. Technology and social communication // Ibid, 1985. pp. 452 -458.
8. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
9. Cammes N. The Concept of a Linguistic Community. Cambridge University Press. 2003. pp.220-221.
10. Tollefson J.W. Planning language, planning inequality: Language policy in the community. London: Longman. 1990. pp.234.

References

1. Kloss H. Language problems of developing nations. New York: John Wiley & Sons. 1969. pp. 69-85.
 2. Cooper R.L. New York: Wiley & Sons. 1989. pp.187-189.
 3. Haugen E. New York: Wiley & Sons. 1966. pp. 33-43.
 4. Nahir M. Language Problems and Language Planning. 1977. № 1, pp. 107 – 22.
 5. Nahir M. Language Problems and Language Planning, 1984. № 8, pp. 294 – 327.
 6. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
-

7. Church J. Ibid, 1985. pp. 452 -458.
8. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona, 2012, №2.
URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
9. Cammes N. The Concept of a Linguistic Community. Cambridge University Press. 2003. pp.220-221.
10. Tollefson J.W. Planning language, planning inequality: Language policy in the community. London: Longman. 1990. pp.234.